

© И.Н. ПУПЫШЕВА

kafedra_filosofii@mail.ru

УДК 7.011

НА ПОДСТУПАХ К «ВИРТУАЛЬНОЙ» АНТРОПОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье делается попытка обнаружить изменения в структуре личности человека, связанные с появлением «виртуального» образа жизни, а также изменения во взаимоотношениях человека и искусства в этой связи.

SUMMARY. This article attempts to detect changes in the structure of personality, associated with the emergence of "virtual" way of life, as well as changes in the relationship between a man and art in this regard.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Социальная сеть», «личность», «виртуальная личность», «художественный мир», «художественный образ».

KEY WORDS. Social network, personality, virtual person, artistic world, image.

Влияние Интернета на жизнь человека до сей поры остается предметом серьезных споров. Техники и физики (в противовес лирикам) настаивают, что это инструмент и средство связи. «Лирики» же видят здесь огромный онтологический, социологический и антропологический потенциал, новые горизонты развития. Так или иначе, но человеческая жизнь с его появлением, а особенно с распространением «социальных сетей» существенно изменилась: школьники и студенты значительную часть своего времени проводят в сети «Вконтакте», домохозяйки в «Одноклассниках», творческие люди пишут блоги, ведут «ЖЖ» и т.д. и т.п. Феномен «социальной сети» вообще можно считать новым антропологическим «расширением» — расширением «социального тела» (в терминологии М. Макклюэна) человека [1].

М. Макклюэн писал уже о телевидении и радио как о «расширениях человеческого тела» — возможностью слышать и видеть, не находясь непосредственно в месте события, с обретением новых коммуникационных навыков. В случае же с «социальными сетями» речь идет о непосредственном расширении социально-коммуникативных возможностей человека. Компьютер и гаджеты к нему «расширяют» возможности человека... Следуя логике М. Макклюэна, отметим, что любое такое расширение «оказывает воздействие на весь психический и социальный комплекс». Так и здесь: «техническое расширение» переводит действия человека в «виртуальное пространство», где он может обрести не только новые телесные параметры, но и функционировать вообще как новая личность. Вот и получается, что, с одной стороны, интернет вообще, а социальные сети в особенности, просто дают человеку новые возможности для общения, но с другой — последовавший за этим перевод «жизни», общения, знакомства, и даже образования на просторы интернета подчиняет их иным пространственно-временным закономерностям, что влечет за собой и изменения в структуре бытия и в структуре человеческой личности.

Недавно же слышала упрек в асоциальности, высказанный девушке в связи с отсутствием у нее персональных страничек в «социальных сетях». Речь шла не о девиантном поведении, а о недостаточности социальных связей с общепринятой точки зрения. Следовательно, можно говорить об изменении этой «нормы». Но можно ли «нормировать» социальные отношения? Полагаю, оценочный момент был бы излишним, но говорить о сложившихся стереотипах имеет смысл.

Традиционно в философии и психологии личность складывается из совокупности «общественных отношений» и «социальных ролей». И личность — категория постоянная настолько, насколько постоянны те «социальные отношения», в которые вступает человек. Иными словами, говоря о личности человека, необходимо оговаривать ее актуальность: из ряда социальных отношений и ролей можно «вырасти», сменить их на другие.

Регистрация персональной странички в социальной сети подразумевает указание школы, класса, вуза, факультета, года выпуска, места работы и отдыха — то есть всех социально значимых отношений и знакомств. В результате в актуальные отношения вклиниваются (и, кстати, зачастую актуализируются) прошлые: одноклассники, однокурсники, коллеги по работе, отдыхавшие вместе вновь организуются в сообщества. То есть в реальном мире человек представлен только актуальными «социальными ролями»; а в сети человек — как «связующее звено» со стертой актуальностью, и его жизненное пространство начинает определяться областью возможных контактов — как прошлых, так и настоящих. В результате происходит подмена не просто понятий, но и реалий: вместо друга — приятель или «френд», вместо приятеля — знакомый, а мир представлен глобальной социальной сетью или даже сетью связанных между собой социальных сетей. И подмена эта переносится на реальный мир. Если года три назад можно было говорить о появлении традиции дарить ребенку при переходе из детского сада в школу мобильный телефон, то сегодня многие сопровождают этот «обряд инициации» регистрацией собственной странички в «Вконтакте», где он может объединиться с одноклассниками в сообщество, и получить «доступ» к активному общению.

«Социальная сеть» предназначена для общения, а потому здесь на первый план выходят социальные параметры. Категории «общение» и «жизнь» здесь максимально уравниваются. И в такой «виртуальной» жизни коммуникабельность является самой значимой характеристикой, поскольку она — основа выживания. Быть в «сети» в одиночестве невозможно, поэтому, говоря о бытии человека в интернете или посредством интернета, все чаще используют понятие «виртуальная личность».

Прежде всего необходимо отметить, что понятие «виртуальная личность» всегда было противопоставлено «реальной личности». Это маскарад, притворство и сокрытие — реального облика, поведенческих привычек и т.п. Это и презентация себя, своей телесности, интеллектуальности и оригинальности. Получается, что, с одной стороны, виртуальная личность позволяет спрятаться (она личина, маска), или дает возможность примерить на себя определенное игровое языковое амплуа; а с другой — представляет собой развернутую репрезентацию человека.

Надо сказать, что «виртуальная личность» появилась много раньше интернета. Этим термином обозначали псевдонимы, актерские амплуа, роли, по которым

судили о личности актера. То есть «виртуальный» здесь означает «фиктивный», «мнимый», «кажущийся». Это значение вполне оправдывает себя и в интернете. Исследователи феномена «виртуальной личности» Б. Кригер, Е. Горный отмечают, что этой категорией часто означают «виртуальную маску» («личину»), подчеркивают, что в «социальных сетях» человек чаще всего играет и «дурачится» [2].

Неслучайна указанная выше отнесенность к языку. Природа «виртуальной личности» во многом языковая, ее «социальные связи и отношения» подразумевают языковое и по большей части письменное общение. То есть в сети перед нами «языковая личность», причем чаще всего «постмодернистского» толка — в стремлении зафиксировать, превратить в «текст» каждое значимое событие, а также процитировать, «сослаться» (говоря «пользовательским» языком, «запостить» и «перепостить»). В традиционном понимании «языковая личность» складывается из лингвистических способностей творить языковые тексты, здесь же включается способность удачно цитировать и комбинировать. Социальная идентичность в этом аспекте уже связана не только с «тем, что пишу», но и с «тем, что читаю» (или «кого читаю»). Категория «кого читать» тоже получает новое значение: «читать» — значит регулярно узнавать о событиях «виртуальной» жизни человека — кого «зафрендил» (или «расфрендил»), какой установил «статус», сделал ли «заметку», оставил ли где комментарий и т.п.

Таким образом, «подглядывание» друг за другом становится правилом социальной (и даже социализирующей) игры. Один фиксирует и протоколирует факты и явления (делая это «напоказ») в надежде, что это превратит их сначала в «знаковые», а затем из «знаковых» в значимые события; а другой, «проходя мимо», одобряет и поддерживает их — «плюсиком», комментарием, «оценкой» — или не отмечает никак. В этой «игре» выставление напоказ — норма, а не «неприличие», такой же нормой становится и «подглядывание».

Человек, ставший активным «пользователем», начинает «писать» свою жизнь в соответствии с законами организации художественного текста: ведет «дневниковые» записи, оставляет комментарии, делает «заметки», выкладывает «фотоотчеты».

Фотографии и фотопортреты перестали быть роскошью, любительскую съемку может делать даже ребенок (еще одно техническое «расширение» тела). Э. Фромм еще в «Иметь или быть», описывая экзистенциальную ориентацию «иметь», пишет о маниакальном фотографировании, нацеленном на «присвоение истории», а используя более современные категории, можно добавить «приватизацию памяти» [3]. В этом же — «приватизационном» — ключе можно рассмотреть и ведение всех журнальных, дневниковых, блоговых записей, формирующих виртуальный образ человека — с прошлыми и настоящими переживаниями, идеями, открытиями, ценностями и принципами. Фиксируя событие и собственные переживания по его поводу на персональной страничке, обсуждая его с «друзьями», человек как бы «присваивает» произошедшее, делает значимым фактом собственной жизни (= элементом «новостной ленты»). Неслучайным в этом контексте предстает вот какой факт: после недавнего крушения самолета один из выживших первое, что сделал, оказавшись на земле, — начал фотографировать на мобильный телефон то, что его окружало — раненых, погибших, горящие обломки. Многочисленные любительские фотографии очевидцев теракта в Домодедово, представленные в Сети, свидетельствуют об этой же тенденции.

Человеку даже для себя (возможно, для своего виртуального «Я») требуется подтверждение того, что он «там был», что это «факт» и его жизни тоже.

Что же касается собственно «дневниковой записи», то она тоже меняет свои свойства под воздействием «социального» расширения человека. Для начала она утрачивает свою принципиальную сакральность. Дневник уже не пишется только для себя — он открыт и для чтения другими и для комментирования. Это уже повод для общения и в то же время способ «существования» («пишу — значит существую»). А в контексте недавнего распоряжения президента об обязательном ведении чиновниками собственных блогов «пишу — значит работаю». «Дневник» становится подтверждением жизнедеятельности, ведения «социального» образа жизни, хотя ранее, по мнению ряда психологов, ведение дневника свидетельствовало, напротив, о проблемах в общении.

Антиутопия нашего времени — и она уже написана — это оснащение каждой комнаты в квартире цифровыми камерами, с обязательным выкладыванием в сеть видеотчетов со всех более или менее значимых событий в жизни и регулярным участием в обсуждениях (Б. Элтон, «Слепая вера»). Это, конечно, предупреждение о крайнем проявлении, но тем не менее не только дневник, сама жизнь человека утратила (растворила) в социальных сетях некоторую долю сакральности и приватности. Получив возможность регулярно быть «on-line», человек стал более публичным в своих проявлениях, стал порой задумываться не над событием просто, а над его «художественной» подачей в сеть (фотографирование терактов и крушения самолета), то есть можно говорить о формировании нового «социального рефлекса».

В создании виртуального «Я» человек смог приблизиться к искусству. Тенденция к «саморепрезентации» в соответствии с законами литературного творчества порождает появление «личностей», кроме как в интернете, нигде более не представленных. «Виртуальный» образ жизни оказывается довольно правдоподобным и «жизнеспособным» сам по себе. Так, возникнув как литературный псевдоним группы людей, сегодня в качестве виртуальной личности функционирует Макс Фрай, исключительно «виртуальный» образ жизни «вела» Катя Деткина, Май Иванов Мухин; из сетевой «репрезентации» выросла популярная сегодня писательница Марта Кетро. И несколько лет назад в популярном литературном конкурсе «Тенета» была введена новая номинация — «Виртуальная личность». Сам жанр демонстрирует новый подход к жизни и творчеству: автору нет необходимости придумывать сюжет и композицию, развитие событий не так важно здесь; на первый план выступает имитация живого общения (имитация социальной жизнедеятельности), порой хаотичного, не связанного между собой, но в этом логика жизни, которая переносится в произведение искусства. «Виртуальная личность» — современный аналог «художественного образа», представляющий ему альтернативу в техническом прежде всего плане. Она состоит из совокупности «персональных страничек», «дневниковых записей», фотоотчетов, понравившихся видео- и аудиозаписей, комментариев на чужие фото, видео и заметки. Рискну предположить, что на смену концептуальной для литературы категории «художественный мир» здесь приходит категория «художественная жизнь», иллюзия которой создается посредством иллюзии общения (что определенным образом перекликается с концептуальным изобразительным искусством, ставящим действие превыше результата).

Таким образом, можно говорить о том, что «виртуальная личность» (виртуальное «Я») прочно срастается с «реальной», определяя его поведение и круг общения (а потому и социальные отношения) в обычной жизни. Постмодернистское стремление к текстуальному протоколированию и повсеместному цитированию, характеризующее вначале лишь литературное творчество, стало характеристикой самой жизни — в ее «виртуальном» языковом проявлении. Все это постепенно приводит к формированию человека публичного и нацеленного вместе с тем на повсеместную «приватизацию» событий, явлений, фактов. «Личность» в виртуальной среде и складывается из этой «приватизации», открытой для обсуждения, что, в свою очередь, проникает и в область литературы в качестве самостоятельного жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding__media.pdf
2. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества (На материале русского интернета). URL: <http://www.netslova.ru/gornyy/vl.html>
Фромм Э. Иметь или быть. М: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.